

Ильин И.А. О русской идее // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. М., 2008. Т. 1 (*И'ин I.A.* О russoj idee // П'ин I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.: V 2 t. M., 2008. T. 1).

Ильин И.А. О русском национализме // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. М., 2008. Т. 1 (*И'ин I.A.* О russkom nacionalizme // П'ин I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.: V 2 t. M., 2008. T. 1).

Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1994. Т. 4 (*И'ин I.A.* О sushhnosti pravosoznanija // П'ин I.A. Sobr. soch.: V 10 t. M., 1994. T. 4).

Ильин И.А. Опасности и задания русского национализма // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. М., 2008. Т. 1 (*И'ин I.A.* O pasnosti i zadanija russskogo nacionalizma // П'ин I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.: V 2 t. M., 2008. T. 1).

Ильин И.А. Что сулит миру расчленение России // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. М., 2008. Т. 1 (*И'ин I.A.* Chto sulit miru raschlenenie Rossii // П'ин I.A. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.: V 2 t. M., 2008. T. 1).

Общественное мнение–2013. Ежегодник. М., 2014 (*Obshhestvennoe mnenie–2013. Ezhegodnik.* М., 2014).

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003 (*Hantington S.* Stolknovenie civilizacij. М., 2003).

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 18. СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ. 2015. № 4

А.О. Ковалева, асп. кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ГЕНЕЗИС ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ (1724–1917 гг.)

A.O. Kovaleva

THE GENESIS OF THE RUSSIAN EMPIRE'S GEOPOLITICAL STRATEGY IN THE PACIFIC REGION (1724–1917 gg.)

В статье рассматриваются особенности генезиса геополитической стратегии Российской империи в Тихоокеанском регионе. Дается определение геостратегии, выделяются ее основные составляющие. Геостратегия разделяется на внешнюю (экспансия) и внутреннюю (организация территории государства). Прослеживаются основные закономерности освоения новых территорий. Внешняя экспансия анализируется в контексте взаимоотношений с соседними странами (Япония, Китай, Корея, США).

* Ковалева Анастасия Олеговна, e-mail: ndm-88@mail.ru

Ключевые слова: геополитика, геостратегия, Тихоокеанский регион, экспансия, фронтир, освоение.

The article considers the genesis' peculiarities of the Russian Empire's geopolitical strategy in the Pacific region. Geostrategy is defined, its main components distinguished. Geostrategy is divided into external (expansion) and internal (organization of the territory of the state). The main regularities of development of new territories investigate. External expansion is analyzed in the context of relations with neighboring countries (Japan, China, Korea, USA).

Key words: geopolitics, geostrategy, Pacific region, expansion, frontier, exploration.

Цель данной работы — описать и проанализировать становление и развитие геополитической стратегии Российской империи в Тихоокеанском регионе. Геополитическая стратегия, являющаяся способом реализации геополитических интересов, несет инструментальную функцию и подчинена геополитическому вектору, который следует из геополитического кода как системы политических отношений государства с внешним миром, “исторически сложившейся на основе баланса национальных интересов. Включает государственные интересы, идентификацию внешних угроз и технологию их устранения или нейтрализации”¹.

Геополитический вектор — заданное геополитическим кодом направление движения государства в качественно воспринимаемом (т.е. получившем общественное, культурное, цивилизационное осмысление) пространстве².

Геополитическая стратегия может быть разделена на следующие составляющие: политическую, военную, экономическую, религиозную, культурную, демографическую.

Политическая составляющая геостратегии является одной из важнейших. Она определяет взаимодействие государства с зонами экспансии, которые могут быть включенными, рубежными (или фронтирными) и внешними. Включенная зона — собственно территория данного государства, недавно присоединенная к основной части (метрополии). Геостратегия работает на ее организацию в соответствии с геополитическим кодом государства и общества. Рубежная (или фронтирная) — подвижная зона расширения государства, не имеющая четких границ и жесткого административного статуса. И, наконец, внешняя зона — это территория других государств, с которыми осуществляющее экспансию государство взаимодействует, вступая с ними в дипломатические отношения или осуществляя соперничество в той или иной сфере.

Для описания динамической зоны расширения государства используется теория фронта, введенная американским исследователем Ф. Тернером. Концепция фронта уместна для описания расширения России (а затем Российской империи) в Тихоокеанском направлении в XVII—XIX вв.: “Фронтир, как подвижная граница и зона контактов различных цивилизаций, может помочь объяснить многие явления, происходящие на окраинах

¹ Дергачев В.А. Геополитика: Учебник для вузов. М., 2004. С. 438.

² Там же. С. 436.

Российской Империи в период ее движения на восток и расширения территорий, в том числе колонизации Аляски”³.

Геополитическая стратегия Российской империи на дальневосточном направлении заключалась в распространении влияния государства на новые территории с их последующим включением в административную структуру страны, происходившим далеко не сразу. Российская империя осуществляла продвижение в Сибири, на Дальнем Востоке и на американском материке, постоянно изменяя свои административные границы. В свою очередь осваиваемые территории также не имели четких административных разделений. Таким образом, геостратегия Российской империи взаимодействовала с зыбкими и подвижными категориями и сама находилась в состоянии постоянной трансформации.

А.В. Ремнев в работе “Россия Дальнего Востока. Имперская география власти” констатирует нерасчлененность сфер внутренней и внешней политики на Дальнем Востоке даже в период поздней Российской империи, отмечая, что государственная граница России имела “фронтирные черты”: “Ситуация усложнялась еще и тем, что сама государственная граница еще не определилась окончательно, а в условиях Азии носила специфические фронтирные черты подвижной зоны закрепления и освоения”⁴. Согласно А.В. Ремневу, генезис геополитической стратегии России заключался в переходе от сложного фронтирного типа, характеризующегося поливариантностью властных структур, к бюрократической централизации и унификации⁵.

А.В. Ремнев выделяет следующие этапы преобразования осваиваемых Российской империей территорий: первоначальное освоение, которому присуща высокая степень частной инициативы, тем не менее, направляемой государством. На следующем этапе власть стремится “оцентрировать” новую территорию “путем установления региональных административных центров”. Отличительная черта этого этапа — «проскакивание внутренних районов ради ускоренного осуществления внешней экспансии. Затем власть пытается определить административно-политический статус территории для построения наиболее оптимальной модели взаимодействия местной власти и центра, создает “имперскую инфраструктуру региона” (пути сообщения, почта, телеграф) и закрепляется на осваиваемой территории культурно (церкви, школы, медицина)»⁶.

Характерная черта российской экспансии в Сибири, на Дальнем Востоке и на американском материке заключалась в сочетании государственной и частной инициативы, причем наибольшую роль частная инициатива играла в первоначальном освоении: “...первоначальное проникновение русских в Сибирь, выразившееся в быстром продвижении землепроходцев к Тихому океану, и создание опорных пунктов (острогов), обуслови-

³ Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013. С. 25.

⁴ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX века: Монография. Омск, 2004. С. 13.

⁵ Там же. С. 15

⁶ Там же. С. 15–16.

валось двумя факторами — насущной потребностью государства пополнить казну в условиях лихолетья (Смута) и наличием социальных групп, способных осуществить это мероприятие путем быстрого присоединения и промыслового освоения колоссальной территории»⁷.

О сочетании государственной и частной инициативы пишет в своих работах по теории фронта в Сибири, на Дальнем Востоке и Аляске исследователь русской колонизации этих территорий Д.Я. Резун: «С позиций конкретной сибирской истории можно утверждать, что почти все казачьи походы по приобретению “новых земель” совершались по согласию государства, но по воле казаков»⁸.

Можно сделать вывод, что для геостратегии фронтного типа вообще характерно сочетание государственной и частной инициативы. Если частные лица — предприниматели и переселенцы экономически осваивают новые территории, неравномерно закрепляясь на них, то государство осуществляет их последующее административное оформление, а также выстраивает дипломатические отношения с соседними государствами.

При этом инициатива частных лиц способствует расширению административных границ государства. Так происходит потому, что продвигавшиеся в тихоокеанском направлении казаки и промышленники являлись носителями культурного кода своей страны, который они распространяли на осваиваемые территории.

Государственное влияние сказывалось при строительстве городов в Сибири, представлявших собой военные укрепления, в которых проживали служилые люди, тогда как население американских городов составляло в основном гражданское население. Именно путем градостроительства осуществлялась ускоренная внешняя экспансия, заключающаяся в “оцентровании” малоосвоенных территорий укрепленными поселениями. При этом пространства Сибири и Дальнего Востока заселялись существенно быстрее, чем американский фронт, несмотря на то, что они были несравненно более обширны⁹. Оцентрованные территории затем так и оставались малоосвоенными. Д.Я. Резун видит в этом одну из причин поражения России в войне с Японией: “Печальный финал русско-японской войны во многом был связан с тем, что действующая русская армия не имела крепкого и развитого тыла”¹⁰.

Следует отметить, что в случае с Аляской частная инициатива так и не получила полноценной государственной поддержки. Освоенные территории не были административно оформлены и включены в единое про-

⁷ Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 102.

⁸ Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 36.

⁹ Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке (историко-сравнительные параллели) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. С. 8–19; Он же. Сибирский и американский город на фронтире // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. С. 24–28.

¹⁰ Там же. С. 15.

странство Империи, как это произошло с Сибирью и Дальним Востоком. Одной же частной инициативы для удержания новой колонии оказалось недостаточно. Внутренняя и внешняя экспансия, т.е. административное освоение присоединенной территории и установление дипломатических взаимоотношений с соседними государствами, должны осуществляться именно силами государства.

Тем не менее, государство все же проявляло существенный интерес к освоению американского материка, при этом не только в экономическом, но и религиозном аспекте. Так, Екатерина II в одном из своих указов говорит о необходимости обращения коренного населения Русской Америки в Православие, подчеркивая при этом, что оно «не должно быть насильственным»¹¹. Из этого можно сделать вывод, что в случае сохранения Аляски она была бы также интегрирована в административную структуру Империи.

Таким образом, использование категории фронта для описания геостратегии Российской империи при колонизации Сибири, Дальнего Востока и Аляски помогает более адекватно оценить сложное сочетание разнородных факторов, сформировавших тихоокеанский геополитический вектор.

Рассмотрим внешнюю зону экспансии в рамках тихоокеанского вектора. Расширяющейся Российской империи было необходимо установление дипломатических отношений с другими государствами Тихоокеанского региона — Китаем, Японией, Кореей, США. Внешняя зона экспансии определяется заботой государства о своей безопасности, а также экономическими мотивами — необходимостью осуществления торгово-промышленных отношений с соседними странами. Экономический аспект также может пониматься как один из компонентов стратегии государственной безопасности.

В геополитике принято деление государств на сухопутные и морские. При этом для морских цивилизаций характерен упор на торгово-экономический аспект, а для цивилизаций Суши — на военно-стратегический¹². В случае с Россией военно-стратегический аспект перевешивает экономический: «Большинство исследователей сходятся во мнении, что политика расширения территории России преследовала не экономические, а геополитические цели. Присоединение соседних земель осмыслялось руководством страны в первую очередь как забота о государственной безопасности»¹³.

В процессе установления взаимоотношений с соседними государствами Тихоокеанского региона, в частности, с Японией, также имела место

¹¹ Голомидова П.С. Образовательная и просветительская деятельность православных миссионеров на Аляске в первой половине XIX в. // Русский Север в истории российско-американских отношений: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США / Отв. ред. Н.В. Плешков. Вологда, 2011. С. 74.

¹² Дугин А.Г. Геополитика: Учеб. пособие для вузов. М., 2011. С. 56.

¹³ Милежик А.В. Дальний Восток как сфера интересов российского государства в XVII — начале XX века // Россия и страны Дальневосточного региона (Китай, Корея, Япония): история, культура, политика. Хабаровск, 2014. С. 30.

частная инициатива — первые контакты с представителями этой страны осуществлялись русскими землепроходцами: «Поиски “Опоньского государства” не только представляли собой своеобразную форму протеста русского крестьянства против крепостного гнета, но и отражали стремление верхов русского феодального государства, заинтересованных в установлении и развитии взаимовыгодных торговых отношений с Японией. В процессе этих исканий происходило культурно-хозяйственное освоение новых территорий»¹⁴. Начиная с XVII столетия русские землепроходцы, торговцы и промышленники проникали на Камчатку и Курильские острова, взаимодействуя с местным населением и получая первые отрывочные сведения о политическом, экономическом и культурном устройстве Японии.

С XVIII в. расширяющаяся и набирающая силы Российская империя стремится к расширению контактов с Японией. Так, Петр I организует обучение русских японскому языку с помощью японца Дэмбээя¹⁵. Возникает первая школа японского языка в России. Поскольку Япония в то время была полностью закрытой для иностранцев, японцы, оказывавшиеся в России, были исключением. Как правило, они попадали к русским после кораблекрушения и плена у местных племен айнов, из которого их освобождали казаки и “служилые” люди. В 1711 г. в русское подданство принимают курильских айнов и собирают у них сведения о Японии и выкупленных из их плена японцев. В планах российского правительства было учреждение торговли с Японией в таких же крупных масштабах, как это уже было сделано с Китаем¹⁶. Таким образом, освоение и реорганизация новых территорий осуществлялись параллельно с попытками внешней экономической экспансии. Успехи внешней экспансии напрямую зависели от успехов внутренней.

В дальнейшем специально подготовленные корабельные экспедиции подплывали к берегам Японии, русские моряки торговали с местными жителями, но краткосрочные контакты не приводили к налаживанию устойчивых отношений, так как японское правительство последовательно избегало сближения с иностранцами¹⁷. После смерти Петра I междонародный престиж России падает из-за развернувшейся внутри страны борьбы за власть, приведшей к сокращению вооруженных сил и флота. Поэтому установление контактов с Японией замедлилось.

Первую попытку наладить официальные дипломатические отношения с Японией Российская империя предпринимает уже в 1792 г. по инициативе Екатерины II, что было продиктовано потребностями развития экономики сибирского региона. Заинтересованность сибирских купцов в торговле с Японией и в обеспечении безопасности морского промысла поддерживалась как местной администрацией, так и российским правительством. Экспедиция окончилась практически безрезультатно, если не

¹⁴ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М., 1999. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 92.

считать того, что одному русскому судну была предоставлена лицензия на посещение г. Нагасаки для ведения переговоров о торговле.

Второе посольство в Японию (1803—1806) было направлено при Александре I. Следует отметить, что его начали подготавливать за десять лет до того, но вынуждены были отложить “в связи с процессом консолидации торговых компаний в Восточной Сибири”¹⁸. Таким образом, для осуществления полноценной конкуренции с западными державами за японский рынок России необходимо было выйти на новый уровень управления освоенными землями на тихоокеанском направлении. Японское правительство вновь в жесткой форме отказало России в установлении дипломатических отношений, предписав русским судам не заходить в японские гавани кроме порта Нагасаки.

Наметившееся еще в конце XVIII в. соперничество между Россией и Великобританией с США за влияние на Японию обостряется во второй половине XIX в., когда России все же удается установить межгосударственные отношения с последней (Симодский договор 1855 г.). В конце XIX в. набирающая силы Япония, вышедшая из международной изоляции и успешно добывающаяся международного признания, испытывала сильное недовольство российской экспансией на Дальнем Востоке, особенно русской активностью на территории Кореи и Манчжурии: “Очевидные попытки закрепиться одновременно и в Манчжурии, и на Корейском полуострове — территориях, входящих в сферу геополитических интересов японского государства, и заключение российско-китайского оборонительного союза, направленного против Японии, укрепило в глазах японцев возникший после тройственного вмешательства образ России как их основного и потенциального противника”¹⁹.

По мнению классика геостратегии А.Е. Вандама (Едрихина) американцы (англосаксы) “переигрывают” Российскую империю в японском направлении, успешно перехватывая влияние на эту страну. Затем они начинают работать с Японией системно, что позволяет вынудить вышедшую из политической изоляции Японию действовать в фарватере американо-британской политики: “Дав, таким образом, японцам почувствовать сначала силу, американцы объявили себя затем духовными отцами этого выведенного ими из замкнутого состояния народа и заставили его принять к себе, кроме дипломатических представителей, еще и особых советников по иностранным делам. Последние же, внимательно следя за каждым нашим шагом в Азии и постепенно внушая японцам страх к России и ненависть ко всему русскому, начали превращать нашего легко поддающегося чужому влиянию соседа в подозрительного и опасного врага”²⁰.

Впоследствии ориентация Японии на англо-саксонские державы станет одной из основных причин обострения отношений с Россией, вылившегося в Русско-японскую войну. Бесперспективность и политическую

¹⁸ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 145.

¹⁹ Ковальчук М.К. Эволюция японского экспансионизма в Корее в 60–90-х гг. XIX в.: Монография. Владивосток, 2005. С. 227.

²⁰ Вандам А.Е., (Едрихин). Наше положение // Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 45.

сиюминутность англо-японского союза при поддержке США отмечает и В.Э. Молодяков в книге “Поверх барьеров” вслед за современником тех событий В.Я. Брюсовым, назвавшим его “искусственным и случайным”²¹. На тот момент европейская Англия не признавала азиатскую Японию равной себе, но умело использовала ее в своих геополитических играх против России. Российские элиты и образованное общество, всерьез поверившие в “желтую угрозу”, также не считали нужным знакомиться с Японией глубоко.

После Русско-японской войны произошло сближение России и Японии, вызванное необходимостью совместной эксплуатации ЮМЖД и КВЖД, а также использованием природных ресурсов Сахалина. Кроме того, сближению помогло начавшееся японо-американское соперничество, в контексте которого Япония переориентировалась на отношения с Россией. Однако русско-японские отношения были надолго прерваны революцией 1917 г. Одной из причин было недоверие, которое консервативная Япония испытывала к коммунистической Советской республике, тогда как монархическая Россия была ей ближе в культурно-цивилизационном и политическом плане.

Российская империя осуществляла и культурную экспансию на территорию Японии. Распространение православия на японской территории — существенный фактор российского влияния на эту страну. Особенно показательна в этом плане деятельность архиепископа Николая Японского. Он не только занимался распространением православного вероучения, но и переводил на японский язык книги русских классиков: “...положительный образ нашей страны в Японии до сих пор во многом основан на любви к Толстому, Достоевскому и Чехову”²². «Он стал одним из самых прочных “мостов”, связующих два народа на протяжении полутора веков», — пишет В.Э. Молодяков об архиепископе Николае²³.

Взаимоотношения Российской империи с Китаем сложились раньше, и были в целом, более продуктивными, чем отношения с Японией. Первые российские дипломаты в Китае появляются уже в XVII в.: “В период XVII — первой половины XIX в. Россия направила в Пекин более восемнадцати дипломатических и торговых миссий, а Россию посетили четыре китайских посольства. В истории международных отношений крупнейшими дипломатическими событиями между Россией и Китаем считаются Нерчинский (1689 г.) и Кяхтинский (1727 г.) договоры”²⁴. Активно развиваются взаимоотношения как в торговой, так и в политической и культурной сферах. Как считает историк русско-китайских отношений Р.М. Валеев, вначале торгово-экономические отношения между Россией и Китаем

²¹ Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. С. 84.

²² Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012. С. 16.

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Валеев Р.М., Горшунов В.С. Русско-китайские отношения в XVII — первой половине XIX в.: Очерки отечественной историографии (40–80-е гг. XX в.). Казань, 2011. С. 4.

преобладают, благодаря чему решение собственно политических вопросов о разграничении территорий в Приамурье (Айгуньский и Пекинский договоры, 1858 и 1860 г. соответственно) откладывается.

Е.Л. Беспрозванных в работе “Приамурье в системе русско-китайских отношений”, напротив, подчеркивает конфликтную напряженность в отношениях России и цинского Китая в аспекте раздела территории Приамурья: “Изменение статуса Приамурья к 1860 г. явилось, по сути дела, заключительным этапом в длительном и сложном процессе формирования дальневосточного участка русско-китайской границы”²⁵. После заключения невыгодного для русских поселенцев Нерчинского договора они были вынуждены оставить освоенные территории из-за военного давления Цинской империи. Данный договор, будучи несовершенным с юридической точки зрения, не определил статус Приамурья. Значение этой территории вновь возрастает в начале XVIII в., когда русские начинают искать подходы к Японии. При этом российское правительство, заинтересованное в исследовании Тихоокеанского побережья, дает соответствующие задания местным воеводам, которые отправляют на интересующие правительство территории экспедиции из казаков.

Следует отметить, что Россия продолжала развивать торговые отношения с Цинской империей, тогда как частная торговля с китайцами была полностью запрещена российским правительством в 1706 г. из-за того, что купцы не платили пошлины в казну, что приносило государству существенные убытки (разумеется, это не привело к прекращению нелегальной торговли)²⁶. При этом казенная торговля встречала существенные противодействия с китайской стороны, которая видела в российских торговых планах экспансионистские устремления. Российская империя в свою очередь стремилась уравновесить отношения с цинским Китаем, определив и обезопасив свои границы.

Можно сделать вывод, что неопределенность границ имеет двоякий геостратегический потенциал. С одной стороны, данное условие позволяет государству расширяться, осваивая новые территории, с другой — ставит уже освоенные территории под бо льшую угрозу при наличии достаточно сильного соседа, также способного на военно-политическую и другие виды экспансии. Примечательно, что классик континентальной геополитики К. Хаусхофер вкладывает в понятие границы смысл “плацдарма борьбы”, “непрерывно наступающего или отступающего замкнутого, но не сохраняющегося застывшим образования”²⁷.

По мере освоения Россией Дальнего Востока и увеличения русского населения, которое нуждалось в своевременной доставке продуктов, возникает необходимость использования Амура для судоходства. Инициатива российского правительства встречает резкое отторжение у Китая, и отношения империй вновь осложняются. В данном случае можно видеть,

²⁵ *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983. С. 4.

²⁶ Там же. С. 72.

²⁷ *Хаусхофер К.* Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001. С. 55.

что Цинская империя создает препятствия уже не внешней, но внутренней геостратегии России. При этом, по мнению Е.Л. Беспрозванного, Российская империя в вопросе о разграничении в Приамурье занимает пассивную позицию, тогда как Цинская империя стремится превратить Приамурье в буферную зону, навязав данной территории фронтальный статус подвижного освоения²⁸.

Политическое урегулирование между Россией и Китаем было отодвинуто более чем на сто лет (Айгунский договор 1858 г.). Что касается торговых контактов с Китаем, то с конца XVIII в. в регион активно проникают иностранные предприниматели, особенно британцы, и Российская империя не может эффективно противостоять растущей конкуренции. Поэтому дальнейшее освоение дальневосточных территорий, продиктованное насущной необходимостью политической и экономической безопасности, осуществляется уже целиком по инициативе правительства. В противном случае Россия сама могла бы сделаться объектом экспансии, полностью лишившись возможности проявлять свою геополитическую субъектность в китайском направлении.

Успехи Российской империи на дальневосточном векторе зависели от степени развитости инфраструктуры освоенных земель и, прежде всего, достаточного количества стоянок для большого флота, который позволил бы России маневрировать на тихоокеанском пространстве, контролируя реализацию своих геостратегических планов и планов соседей.

Во второй половине XIX в. на фоне растущей экспансии западных держав в Китай цинское правительство идет на урегулирование вопроса Приамурья с Россией, чему способствовала также предоставленная Россией военная помощь²⁹. В мае 1858 г. был заключен Айгунский договор о возвращении России левобережья Амура, а менее чем через месяц — Тяньцзинский трактат по политическим и торговым вопросам, а также изменении порядка финансирования Пекинской духовной миссии, подтверждавший дружественные отношения между странами³⁰.

Во второй половине XIX — начале XX в. экспансия Российской империи на китайском направлении разворачивалась на территории Маньчжурии, где в 1897 г. было начато строительство КВЖД как южной ветки Транссибирской магистрали. Россия сделала ставку на развитие территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также постепенное присоединение Маньчжурии. Идея проекта принадлежала министру финансов России С.Ю. Витте. Сам С.Ю. Витте, подчеркивая огромную политическую и коммерческую значимость данного проекта, утверждает в мемуарах, что Россия не ставила перед собой цель захватить территории, рассчитывая, что дорога “должна быть орудием сближения восточных и европейских наций”, а также “орудием морального влияния” на “культуру желтых наций”, “родившихся в идолопоклонстве”³¹.

²⁸ Беспрозванных Е.Л. Указ. соч. С. 113.

²⁹ Там же. С. 172.

³⁰ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 62–69.

³¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 456.

Строительство КВЖД — разновидность экономической экспансии, которую можно определить как технологическую или модернизационную. Таким образом Россия пыталась компенсировать отсутствие незамерзающих портов на Дальнем Востоке. При этом проект, имевший явную экономическую составляющую, преследовал, прежде всего, геостратегические цели, для достижения которых экономика использовалась как инструмент.

В 1896 г. Россия и Китай заключили секретный Московский договор о строительстве КВЖД, одновременно направленный против японской экспансии в Китае и Корее и предполагавший использование военной силы: “Всякое нападение, направленное Японией либо против русской территории в Восточной Азии, либо против территории Китая или Кореи, повлечет за собой немедленное приложение настоящего Договора”³².

В начале XX в. Япония, а также ведущие державы приняли участие в разделе сфер влияния в Китае. Экономически и политически ослабленный Китай не представлял собой самостоятельного геополитического субъекта, поэтому сотрудничество с ним так или иначе переходило в соперничество за сферы влияния с другими странами, и Китай уже воспринимался не столько как государство, сколько как территория для экспансии. В 1900 г. Россия вместе с Великобританией, США, Францией и Японией приняла участие в подавлении “боксерского восстания” в Китае, направленного против иностранного влияния. При этом Китай уже не действовал в рамках разворачивавшихся событий как суверенный политический субъект. Подавление восстания привело к еще большей зависимости Китая, после чего конкуренция между ведущими державами на его территории вышла на новый виток и привела к непосредственному столкновению Российской империи с Японией за территории Маньчжурии и Кореи. Одной из предпосылок Русско-японской войны стала передача Китаем России в концессию на 25 лет Порт-Артура по результатам так называемого “Тройственного вмешательства”, вынудившего Японию отказаться от аннексии Ляодунского полуострова.

Что касается взаимоотношений России и Кореи, то последняя не представляла собой такой крупной самостоятельной единицы как США, Китай или Япония. Данное государство было геополитическим объектом в сфере международных отношений того времени, привлекавшим внимание крупных держав региона, осуществлявших экспансию. В такой ситуации Российской империи была выгодна поддержка суверенитета Кореи, который отчасти пресекал экспансионистские устремления других игроков: “Стержневая же линия Российского государства в Корее всегда состояла в том, чтобы обеспечить самостоятельность и независимость нашего соседа, не допустить поглощения его Японией и другими государствами”³³. Потеря Кореей суверенитета могла привести не только к утрате Россией геостратегических перспектив на этой территории, но и к трансформации Кореи в инструмент, направленный против российских интересов, как это произошло с Японией, о чем было сказано выше: «Озабоченное усилением влия-

³² Там же. С. 208.

³³ Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века). К 120-летию установления дипломатических отношений. М., 2004. С. 4–5.

ния крупных держав в Корее, царское правительство принимает решение установить официальные отношения с Кореей, чтобы предотвратить “реально существовавшую угрозу превращения Кореи в плацдарм враждебных России сил”»³⁴.

Так, вмешательство России (а также Франции и Германии) в условия Симоносекского мирного договора способствовало подрыву позиций Японии на Корейском полуострове. Следует отметить, что на отдаленных территориях, таких, как Корея, Маньчжурия (и Китай в целом), Российская империя в конце XIX в. действовала в тесном союзе с другими великими державами, пытаясь опереться на них в достижении собственных интересов. Геостратегия крупнейшей евразийской державы вписывается в рамки “концерта” европейских колониальных держав, также осуществлявших экспансию на этих территориях. Это обусловлено тем, что политические элиты во главе с Николаем II мыслили Россию как одну из европейских держав, тогда как на практике она представляла собой принципиально иной феномен в силу ряда факторов, прежде всего (в контексте данного исследования), обширности территорий, интегрированных в рамки метрополии (в отличие от европейских колониальных держав). Соответственно, со стороны европейских стран продвигающаяся в тихоокеанском направлении Российская империя также никогда не воспринималась как “своя”.

Россия проводила в Корее активную дипломатию, направленную на недопущение усиления японского влияния на полуострове, действуя через королеву Мин Менсон, занимавшую пророссийскую позицию (ее насильственную гибель российские дипломаты приписали японцам). При этом, корейское правительство придерживалось прояпонской ориентации. Отсутствие единства правящих кругов еще больше способствовало слабости Кореи перед внешней экспансией.

Державы, активно развивавшие экспансию в Тихоокеанском регионе — Россия и Япония, шли к столкновению. После Русско-японской войны Корея вначале попала под японский протекторат, а в 1910 г. была аннексирована. Геополитический вектор России на Корейском полуострове оказался аннулирован.

Рассмотрим, как складывались взаимоотношения Российской империи и США в рамках Тихоокеанского геополитического вектора. Начало контактов России с США на Тихоокеанском направлении обусловлено русскими географическими открытиями на тихоокеанском Севере и основанием Русской Америки³⁵. Заинтересованность и России, и, особенно, США в ресурсах Аляски вызвала соперничество между странами, развернувшееся во фронтальной зоне: “Начиная с 1792 г. все большую активность у северо-западных берегов Америки стали развивать предприимчивые торговцы Соединенных Штатов, деятельность которых сделалась с начала XIX в. предметом многочисленным жалоб Российско-американской компании”³⁶.

³⁴ Там же. С. 5.

³⁵ *Болховитинов Н.Н.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 177.

³⁶ *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений. 1775–1815. М., 1966. С. 310.

А.Е. Вандам (Едрихин) в работе “Наше положение” указывает на хищнические действия американских и английских промышленников вначале на территории Аляски, а затем уже и на другой стороне Тихого океана: “...целые флотилии их появились в Беринговом и Охотском морях для охоты на кита. Свободно хозяйничая в наших водах, они заходили в бухты, уничтожали там детенышей китов, грабили прибрежных жителей, жгли леса и т.д. Полная безнаказанность за бесчинства довела дерзость американских китобоев до того, что они начали врыватьсь в Петропавловск, разбивали караул и растаскивали батареи на дрова”³⁷. По мнению А.Е. Вандама (Едрихина), причиной ослабления позиций России на американском материке стали крупные территориальные уступки по результатам Русско-американской конвенции 1824 г. с участием Великобритании, согласно которой “Россия отнесла свою границу на запад от Скалистых гор до 142 градуса гринвичской долготы”³⁸. Целью конвенции было упорядочивание отношений между государствами с помощью разграничения, как это было и в случае с Приамурьем, но здесь уже Россия уступала освоенные территории.

Как уже было отмечено выше, частная инициатива российских промышленников и поселенцев по освоению Аляски не была в полной мере поддержана правительством, поэтому Россия к середине XIX в. занимает скорее пассивную позицию на этой территории, тогда как США активно наступают: «На 40-е годы приходится апогей экспансионистской политики США в Северной Америке. <...> Неудивительно, что именно в это время появилась теория “предопределения судьбы” (manifest destiny), означавшая, что само провидение предназначало Соединенным Штатам господствовать на всем американском континенте»³⁹. Интересно, что в этом плане экспансия США на материке похожа на российскую. Если заморские колонии Великобритании (и других западных стран) не интегрировались в структуру метрополии, то территории севера американского материка предполагались к интеграции с США.

По мнению Н.Н. Болховитинова, продажа Аляски Соединенным Штатам обуславливалась не столько трудным положением Российско-американской компании или неспособностью защитить колонии в случае войны, сколько стремлением укрепить союз двух стран, перенеся внимание на укрепление позиций России на Дальнем Востоке⁴⁰.

После аннулирования российских владений на американском материке во взаимоотношении двух стран на тихоокеанском направлении начинается новый период. И Российская империя, и США начинают более активно действовать на территории Китая, Кореи, Японии. При этом Россия продвигается в Китай по суше через территорию Маньчжурии, тогда как США осваивают морское побережье. В Русско-японской войне США (а также Великобритания) поддерживают Японию, прилагая усилия для

³⁷ Вандам А.Е., (Едрихин). Указ. соч. С. 39.

³⁸ Там же. С. 38.

³⁹ Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990. С. 49.

⁴⁰ Там же. С. 316

того, чтобы добиться от России максимальных уступок Японии. Портсмутский мир 1905 г. был заключен при посредничестве США. При этом Россия утратила не только Маньчжурию и Корею, но и часть своей территории — южную половину Сахалина⁴¹, что можно расценивать как провал всей дальневосточной политики николаевского периода, в котором сыграли существенную роль США и Великобритания, подготовившие из модернизированной Японии инструмент для ослабления позиций России в регионе.

Таким образом, геостратегия Российской империи в Тихоокеанском регионе может быть разделена на внутреннюю, направленную собственно на территорию страны и внешнюю, направленную на сотрудничество (или соперничество) с соседями. При этом разновидностью внутренней геостратегии является фронтирная (или рубежная), характеризующая подвижную зону закрепления и освоения государством незанятых территорий. Геостратегия Российской империи характеризуется усложнением форм как на внутреннем направлении, так и на внешнем.

От промыслового освоения территорий государство переходит к освоению через создание развитой инфраструктуры и насаждению сложных бюрократических форм управления. На внешнем векторе от случайных контактов с соседними государствами, во многом зависящих от частной инициативы, государственная политика следует к выстраиванию сложной системы дипломатических отношений.

Генезис геостратегии Российской империи в Тихоокеанском регионе отражает исторические этапы жизни государства и общества. Усложнение подходов, используемых при реализации геостратегических приоритетов, наблюдается в период, когда Империя набирает силу, выходя на новый уровень в мировой и региональной политике (эпоха Екатерины II). В дальнейшем в геостратегии России можно видеть флуктуации — от успешного продвижения в заданном направлении до отступлений — как эпизодических, так и крупных. Так, при Александре II в пользу России решается вопрос Приамурья, но в то же время Империя отказывается от североамериканских колоний.

Приблизительно с конца XVIII в. и до Русско-японской войны против России все более играет фактор слабости ее флота в регионе по сравнению с морскими силами Великобритании и США, эффективно использующих свое преимущество вначале на побережье североамериканского материка, а затем на побережье Китая, в Японии и в Корее. Россия стремится опередить соперников, продвигаясь по суше, но всякий раз опаздывает, будучи отрезанной от береговой зоны.

Противоречивой в геостратегическом отношении в рамках тихоокеанского вектора видится эпоха правления Николая II. В этот период Россия наиболее активно продвигается в Тихоокеанском направлении, отчасти используя внешнеполитический, экономический и промышленный потенциал, накопленный в предыдущие периоды, отчасти развивая новые подходы в виде экспансии через модернизацию с опорой на дипломатические связи с западными державами. Наибольшее внимание уделяется внешней экспансии, тогда как уже включенные в империю территории

⁴¹ <http://federacia.ru/encyclopaedia/war/japan/> (дата обращения: 28.04.2015).

(Сахалин, Дальний Восток) остаются малоразвитыми. При этом успешное продвижение на Тихоокеанском направлении завершается во время кризиса Империи, который привел к последующей смене власти и к распаду страны, а ее внешние геополитические достижения (Маньчжурия, Корея) полностью аннулируются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. XVII — середина XIX в. М., 1983 (*Besprozvannyh E.L.* Priamurye v sisteme russko-kitayskikh otnosheniy. XVIII — sredina XIX v. M., 1983).

Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732—1799. М., 1991 (*Bolhovitinov N.N.* Rossiya otkryvayet Ameriku. 1732—1799. M., 1991).

Болховитинов Н.Н. Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М., 1966 (*Bolhovitinov N.N.* Stanovleniye russko-amerikanskih otnosheniy. 1775—1815. M., 1966).

Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834—1867. М., 1990 (*Bolhovitinov N.N.* Russko-amerikanskije otnosheniya i prodazha Alyaski, 1834—1867. M., 1990).

Валеев Р.М., Горшунгов В.С. Российско-китайские отношения в XVII — первой половине XIX в.: Очерки отечественной историографии (40—80-е гг. XX в.). Казань, 2011 (*Valeev R.M., Gorshunov V.S.* Rossiysko-kitayskiye otnosheniya v XVII — pervoi polovine XIX v. Kazan, 2011).

Вандам А.Е., (Едрихин). Наше положение // Геополитика и геостратегия. М., 2002 (*Vandam A.E., (Edrihin).* Nashe Polozheniye // Geopolitika i geostrategiya. M., 2002).

Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003 (*Vitte S.U.* Vospomnaniya. T. 1. Kn. 1. SPb., 2003).

Голомидова П.С. Образовательная и просветительская деятельность православных миссионеров на Аляске в первой половине XIX в. // Русский Север в истории российско-американских отношений: Сб. мат-лов Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США / Отв. ред. В.Н. Плешков. Вологда, 2011 (*Golomidova P.S.* Obrazovatel'naya i prosvetitel'skaya deyatelnost pravoslavnyh missionerov na Alyaske v pervoy polovine XIX v. // Russkiy Sever v istoriyi rossiysko-amerikanskih otnosheniy: Sb. mat-lov Mezhdunar. nauch. konf., posvyaschennoy 200-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy mezhdu Rossiei i SSHA / Отв. red. V.N. Pleshkov. Vologda, 2011).

Дергачев В.А. Геополитика: Учебник для вузов. М., 2004 (*Dergachev V.N.* Geopolitika: Uchebnik dlya vuzov. M., 2004).

Дугин А.Г. Геополитика: Учеб. пособие для вузов. М., 2011 (*Dugin A.G.* Geopolitika: Ucheb. posobie dlya vuzov. M., 2011).

Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799—1871 гг.). Кемерово, 2013 (*Ermolayev A.N.* Rossiysko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dalnem Vostoke (1799—1871 gg.). Keмеровo, 2013).

Ковальчук М.К. Эволюция японского экспансионизма в Корею в 60—90-х гг. XIX в.: Монография. Владивосток, 2005 (*Kovalchuk M.K.* Evolutsiya

японского экспансионизма в Корею в 60–90-е гг. XIX в.: Монография. Владивосток, 2005).

Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005 (*Molodyakov V.N.* Rossiya i Yaponiya: poverh baryerov. Neizvestnyye i zabytyye stranitsy rossiysko-yaponskih otnosheniy (1899–1929). М., 2005).

Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М., 2012 (*Molodyakov V.N.* Rossiya i Yaponiya v poiskah soglasiya (1905–1945). Geopolitika. Diplomatiya. Ludi i ideyi. М., 2012).

Резун Д.Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск, 2001 (*Rezun D.Ya.* O nekotorykh momentah osmysleniya znacheniya frontira Sibiri i Ameriki v sovremennoy otechestvennoy istoriografii // Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv. Novosibirsk, 2001).

Резун Д.Я. К истории заселения Сибири и Северной Америки в XVII веке (историко-сравнительные параллели) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск, 2001 (*Rezun D.Ya.* K istorii zaseleniya Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII veke (istoriko-sravnitelnyye paralleli) // Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv. Novosibirsk, 2001).

Резун Д.Я. Сибирский и американский город на фронтире // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. Новосибирск, 2001 (*Rezun D.Ya.* Sibirskiy i amerikanskiy gorod na frontier // Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv. Novosibirsk, 2001).

Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX века: Монография. Омск, 2004 (*Remnev A.V.* Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX veka: Monografiya. Omsk, 2004).

Россия и Корея. Некоторые страницы истории (конец XIX века). К 120-летию установления дипломатических отношений. М., 2004 (*Rossiya i Koreya. Nekotoryye stranitsy istorii (konets XIX veka). K 120-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy.* М., 2004).

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004 (*Russko-kitayskiye dogovorno-pravovyye акты. 1689–1916 / Pod. obsch. red. V.S. Myasnikova.* М., 2004).

Русско-японская война (1904–1905 гг) // Интернет-портал “Федерация”. URL: <http://federacia.ru/encyclopaedia/war/japan/> (дата обращения: 28.04.2015).

Хаушофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001 (*Haushofer K.* Granitsy v ih geograficheskom i politicheskom znachenii // O Geopolitike. М., 2001).

Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М., 1999 (*Cherevko K.E.* Zarozhdeniye russko-yaponskih otnosheniy. XVII–XIX veka. М., 1999).

Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003 (*Shilovskiy M.V.* Frontir i pereseleniya (sibirskiy opyt) // Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye. Vyp. 3. Novosibirsk, 2003).